Шестов), которые сумели свое, русское, вместить в западноевропейские ментальные рамки и понятия. Они смогли стать экспортерами идей онтологической первичности личной свободы, бунта как единственно возможного пути аутентичной персонализации и т.п.

Автор статьи
Красиков
Владимир Иванович
- докт. филос.наук, проф. каф. философии Кемеровского госуниверситета
e-mail: krasikov@kemcity.ru

УДК 1.168

А. И. Вознесенская, Т. О. Суркова

В.В. РОЗАНОВ О ПРОБЛЕМЕ СЕМЬИ: ИДЕИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Философию В. В. Розанова сложно обозначить принадлежностью к какому-либо направлению, настолько она уникальна, индивидуальна. Складывалась эта философия в русле его собственной жизни, трудной, противоречивой, насыщенной личными драматическими событиями на фоне социальных потрясений. Свой первый философский труд, изданный в 1988 г., он назвал «О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания», но уже через несколько лет Розанов признавался: «Моя «новая философия» уже не «понимания», а «жизни» – началась с великого удивления» [7, с. 280]. И в этой жизни важнейшим вопросом он считал семью. «Мне хотелось бы, чтобы меня некоторые помнили, но отнюдь не хвалили; и только при условии, чтобы помнили вместе с моими близкими.

Без памяти о них, о их доброте, о чести – я не хочу, чтобы и меня помнили» [6, с. 26].

Современники довольно критически оценивали творчество В. Розанова, в т. ч. и Н. О. Лосский отмечал «нездоровый интерес к половым вопросам», однако и он называл Розанова «оригинальным мыслителем и наблюдателем жизни» [2, с. 435-436]. Именно наблюдательность и тончайшая рефлексия помогали Розанову всесторонне рассматривать семью как основу жизни, в т. ч. связывая её и с темой пола. Через пол человек соединен со всей природой, в этом единстве есть что-то мистическое, космическое. Семья выступает не просто некоторой социальной структурой, ячейкой общества.

Конечно, размышляя об этих вопросах, Розанов пытается по-новому взглянуть на роль женщины, матери, супруги в семье, как всегда сочетая противоположности: и консервативный подход к женскому вопросу, и стремление к изменению её положения. Его новаторство вовсе не предполагает «эмансипации» европейского образца, от которого он настрадался в первом браке с А. Сусловой. Западная эмансипация основана на равноправии полов, с чем не согласен Розанов: у мужчин и женщин разная природа. «В 60-70-х годах (19 в.) мужчина отдал женщине своё право; и она была так робка, так застенчива, так, может быть запугана уже «вековым рабством», что не осмелилась выговорить простое: «это – не моё право», …спросив у него о своем праве. Это право в дар за любовь свою получить мужественного и сильного покровителя, опереться на его честное и великодушное сердце…» [5, с. 139].

В стиле привычных крайностей он размышляет о любви как страсти, о браке и влиянии церкви. Пытается, например, найти что-то рациональное в освящении продажной любви в Древнем Египте [4, с. 40], в то же время вполне современно заклиная: «Созидайте дух, созидайте дух, созидайте дух! Смотрите, он весь рассыпался… (на Загородном пр., веч.; кругом проститутки» [6, с. 28]. Говоря о браке, Розанов замечает: «Брак тяготит, т. е. он всех начинает тяготить. Исключения необъяснимы, и они редки: они принадлежат индивидууму, являются делом случая – но они не дело культуры, цивилизации, миросозерцания» [5, с. 234]. Можно сказать, что это опять-таки одна из антиномий Розанова.

Отдадим должное этому мыслителю за то, что в бурное время революций и других социальных катаклизмов он все свои душевные и духовные силы связывал с частной жизнью человека. «Вокруг видится семья – «земля, на которой я стою», священное «аз есмь» каждого из нас: то, что смиренно и безвидно несет около нас труд, заботу, любовь, несет на плечах своих безустанных «ковчег» бытия нашего, суеты нашей, часто – «пустого нашего» [5, с. 20].

Для русской философии вообще характерно обращение к проблеме семьи, потому что в семье проявляется «натуральная соборность». «Исходной основой социальной жизни нашей является семья, в которой мы вырастаем, – и здесь выступает со всей силой органическая форма социальной связности» [1, с. 92].

Мы тоже в своей работе используем эмпирический материал, выступая, как и В. В. Розанов, «наблюдателями» жизни. Студентам II курса механико-машиностроительного факультета нашего университета было предложено выполнить два небольших задания:

1. Рассказать о представителе своей семьи (рода), чья жизнь для большинства родственников выступает особым примером, образом, родовым знаком.

2. Рассказать о проблеме имянаречения в семье (на конкретном примере, можно своем собственном).

Задание выполнялось в аудитории, без предварительной подготовки. В этом тоже был определенный смысл: к 20-ти годам жизни второкурсника его «включенность» в духовную составляющую семейного общения уже должна быть достаточна.

Задание получили 80 студентов. Ответы сдали 63 из них. Среди сдавших 16 девушек и 47 юношей. Остальные, возможно, оказались не так уж и «включены», хотя вероятны и другие причины.

Из 63 сданных материалов в 27 (43%) знаковая фигура рода связана с Великой Отечественной войной, хотя контекст рассказа различен. Сохраняя лексику и синтаксис авторов («дыхание времени и поколений»), закодировав их имена, мы представим всё многообразие индивидуальностей. Вот сразу отзвук войны: «В преддверии 9-го мая мне хотелось бы вспомнить дедушку по материнской линии Ивана Михайловича. Он всегда был великом тружеником, прошел всю войну, побывал в лагере, что не помешало ему прожить долгую жизнь» [1, с. 34]. Или, например, дед рассказывал о своем отце, т. е. о прадеде: «Попали в окружение немцев, сидели в окопе 10 русских. Оставалось 5 гранат и примерно 4 полных обоймы. Положили всех немцев, но остался один прадед. Вышел один к нашим…» А потом уже в недавние времена из его ноги вынимали осколки, оставшиеся после того боя [1, с. 36].

«Мой прадед Кожуров Василий ушел на войну из поселка Шахтер Яшкинского района (Кемеровская область). Он сразу попал на Ленинградский фронт, водителем. Он возил продовольствие через «дорогу жизни» …Колонна «полуторок» попала под обстрел авиации противника. Он потерял в этой поездке ногу. С тех пор он не любил всё немецкое, даже челку зачесывал не в ту сторону, что Гитлер» [1, с. 39].

В этих коротких заметках респонденты сообщают не только о фронтовом героизме дедов, но их дальнейшую жизнь оценивают как весьма достойную. «У меня был прадед. Я знаю только то, что он на войне ногу потерял, и потом после войны держал всё хозяйство в своих руках. Даже с одной ногой» [1, с. 44].

«Для моей сознательной жизни мой прадед Токарев Михаил Иванович считается и всегда будет считаться главой нашего рода… Он обладал характером истинного хозяина: где надо, мог и прикрикнуть, шутя, конечно. Он точно мог сказать, где лежит каждая иголка и отверточка, и моя прабабушка говаривала, что к этому было тяжелей всего привыкнуть… За столом он больше любил рассказывать о фронтовых товарищах и забавных случаях войны, нежели о темной стороне второй мировой» [1, с. 38].

Очень важно, что в этих заметках обнаруживается и нравственная связь. «Не так давно прадеда не стало, и я, пожалуй, остался единственным мужчиной в нашем роду» [1, с. 38].

Иногда в рассказе уже хорошо известные фразы наполняются конкретным содержанием. «Мой дед родился 15 декабря 1926 г. В 1945 г. ему было 18 лет, его призвали в армию, но не забрали на фронт, потому что был приказ: «В бой идут одни старики» [1, с. 11].

Значительная часть семейной памяти обращена к судьбам бабушек, не воевавших, переживших войну детьми в трудах и лишениях. «Судьба сложилась так, что моя бабушка, четыре её сестры и их мать оказались в Прокопьевске без каких-либо пожитков, багажа и т. п. (Бабушка была младшей из 7-ми детей). Отец и два брата погибли на войне. Героизм тут, по-моему, заключается в том, что они не смирились с событиями, что собственно и обеспечило моё появление» [1, с. 7].

«У меня кроме родителей, осталась только бабушка по материнской линии. Жизнь у неё насыщенная, выросла в годы войны, вырастила двоих детей. Дед умер в 1996 г. и с тех пор она живет одна в своем доме с огородом и всеми «дачными» принадлежностями. Она много добилась в жизни, путешествовала, отдыхала, ну и трудилась, конечно… Я горжусь ею!» [1, с. 8].

«Бабушка Клавдия Георгиевна родилась в многодетной семье. Была чуть младше меня, когда началась война. Времена были тяжелые, учились дети «на класс по паре книжек» [1, с. 46].

Из некоторых небольших по объему заметок видно уважительное, любовное отношение к старшим представителям рода. «Моя прабабушка прожила 96 лет. Пустила на свет 4-х детей, во время войны вырастила их. К тому же вырастила 3-х внуков и 4-х правнуков» [1, с. 47].

«У моей бабушки было очень сложное детство. Это было время войны, поэтому детство прошло хмуро. У неё было 10 сестер и братьев, а это, возможно, геройство со стороны её матери. В их семье была лишь одна пара валенок, потому дети гуляли по одному, остальные смотрели в окно и выжидали очередь гулять… Именно эта трогательная, маленькая история дала мне возможность полностью понять, как тяжело жилось во время войны» [1, с. 10].

Весьма интересен и тот момент, что в семейной памяти сохраняются романтические истории о любви, без чего и не было бы этих семей. «Мой

прадед был 17-летним юношей, когда в их деревню пришли немцы и стали угонять молодых людей обоих полов в эшелонах на работы в Германию. По деревне прошел слух, что женатых эта участь не коснется. И мой прадед, прослышав о том, женился на девушке-соседке, которую едва знал. В результате всё равно были охвачены, но поезд с ними отбили партизаны, в отряд которых молодожены сразу и вступили. После окончания войны они жили долго и счастливо вместе всю жизнь» [1, с. 21].

Получилось как у поэта Давида Самойлова: «Как это было, как совпало: / война, беда, мечта и юность, / и это всё в меня запало / и лишь потом во мне очнулось».

Примечательно то, что молодые люди описывают не только военные подвиги и трудовые будни, но уловили и многие чисто духовные моменты в характеристике своих родных. «В нашей семье есть человек, который служит примером и идеалом в отношении поведения и организации бытовой жизни. Это моя прабабушка. Её поговорки и выражения применяют абсолютно все члены семьи. Из её уст я многое узнала о прошлой жизни всего русского народа, начиная с 1913 года» [1, с. 27]. Как видно, память о прабабушке не только в прошлом, но она и сейчас обогащает, украшает жизнь семьи.

«Особо никаких семейных легенд нет, но мой дедушка, выросший в деревне, рассказывает много присказок и поговорок, которые когда-то были сказаны. Они переходят из уст в уста и часто вспоминаются в семье. Некоторые не всегда приличные» [1, с. 35]. Возразить тут нечего, народная речь складывается из различных лексических слоев. Но и возвышенный слог тоже имел место. «Своим фамильным знаком я считаю своего прадедушку Алексея – поэта и писателя. Он был чувственным, романтическим человеком, даже в сложные годы Великой Отечественной войны. Все его стихи посвящались только любви, добру и свету… Дома в шкафу у меня лежит его тетрадь со стихотворениями и рассказами» [1, с. 13].

В заметках наших респондентов обозначены и те методы, которые уже обеспечили им то самое «подключение» к семейной памяти, к духовной жизни своих родных. «В 10-м классе мы составляли свои родословные. Я узнал только на 4 колена выше себя» [1, с. 18].

«Мой дед – это человек, с которым я особо близко не был знаком, но был очень наслышан (подчеркнуто нами – А.В., Т.С.) от своих родителей» [1, с. 19]. Именно так и должны выстраиваться цепочки познания: деды – родители – дети. Но когда позволяет возраст и обстоятельства, то прямое общение со старшими поколениями очень содержательно. «Лучше всего в своей семье я нахожу общий язык со своим дедом. У него уникальное чувство юмора, мы понимаем друг друга без слов» [1, с. 30].

В анализе материала можно отметить ещё одну его особенность. Информация не была сухой и объективированной. В ней считывались живые чувства наших респондентов, они всё это и знают, и эмоционально переживают, и чувствуют, что, безусловно, должно быть характерно для социального познания вообще. Читая эти небольшие по объему заметки, можно отношение к авторам обозначить строкой поэта Леонида Мартынова: «Какие хорошие выросли дети!».

Но не будем обольщаться. Не забываем, что 17 человек из 80 вообще не сдали работы. Это можно толковать и как недисциплинированность студентов, и как сыновье безразличие. А кто-то, оставшись анонимом не только в публикации, но и для исследователей, признался: «Нет таких представителей в семье (я не знаю)» [1, с. 17].

Выполнение второго задания, связанного с имянаречением, безусловно, дополняет содержание семейной проблематики. Выбор имени – это семейная задача, несущая в себе большой заряд духовности. Философия имени почитаема русскими философами. В. В. Розанов, анализируя жизнь семьи, церкви, тоже выходил к этим проблемам. Одно из великих таинств христианской церкви – крещение. Оно ведь выступает и как приобщение к христианству, но в то же время это индивидуализация, т. к. это – имянаречение. Конечно, со времен В. В. Розанова прошел почти век, потому в заметках наших 20-летних респондентов о выборе имени отсутствует в явном виде религиозный аспект.

Многие респонденты указывают на тот факт, что и их имена конкретно, и имена других новорожденных связаны со старшими родственниками. «Меня назвали в честь моего дедушки по линии отца, а мой брат назван в честь брата моего деда» [1, с. 5]. Иногда какое-то имя как раз и выступает скрепляющим, цементирующим элементом для многих поколений, для всего рода. «Проблемы в выборе имени моему брату в нашей семье не возникло. Его зовут Федор. Он является 5 «представителем» этого имени по папиной линии. Я надеюсь, что такая традиция, связанная с именем «Федор», будет продолжаться ещё очень долго» [1, с. 27].

Выбор имен от старших родственников выступает не просто технической проблемой, но самим фактом дается оценка старшего родственника («в честь!»). «… Завели традицию называть своих детей в честь человека, сыгравшего большую роль в жизни родителей…» [1, с. 21].

На выбор имени могут повлиять события художественного и исторического ряда: персонажи фильмов, имена режиссеров и т. д. «Меня назвали в честь великого полководца, отец увлекался военной историей» [1, с. 14]. Но не только великие ушедшие влияют на выбор имени. Иногда молодым родителям в этом помогает такое замечательное явление как дружба. «Мне имя дал отец. Его друг из армии так же назвал своего сына. У них

была договоренность» [1, с. 11].

Многие авторы признают, что имянаречение – это не просто формальный момент, но выбор может оказать влияние на жизнь новорожденного. «Меня назвали в честь дедушки, но вместе с именем я перенял много его качеств» [1, с. 5].

Одна из респондентов сформулировала настоящую мировоззренческую концепцию по поводу выбора имени. «Мою младшую сестру назвали Дарьей, т. к. она у нас последний ребенок в семье (мама родила её в 39 лет), и она должна быть более самостоятельной, уверенной. И если она останется без родителей, ей нужно будет самой позаботиться о себе, не пропасть в этой жизни, не «расклеиться». А имя «Дарья» как раз означает: целеустремленная, бойкая, уверенная, умеет добиваться цели, сильная» [1, с. 20].

Все рассмотренные варианты достаточно рационалистичны, логичны. Но рождение ребенка остается и природным, в чем-то стихийным явлением, потому не возбраняется некоторая стихийность, иррациональность в выборе имени. «Написали имена на кусочках бумаги и положили в шапку. И потом я (старший брат) получил полномочия выбора кусочка бумаги… Вытянул листок, который я и написал» [1, с. 1]. А иногда это звучит так: «Имя моё регистрировал папа. Ни с кем не обсуждая. А его выбор прост: ему нравится это имя» [1, с. 26].

Ознакомившись с частной жизнью наших студентов, можно признать правоту Розанова, потому принять то, что и в наше время семья есть «малый храм бытия» каждого человека. Выпуская сборник статей «Религия и культура», В. В. Розанов посвящает его своему храму: «…тесной своей часовенке: памяти усопших своих родителей – рабов Божиих Василия и Надежды; …памяти дочери, 9-месячной Надюши, праведной труженице, жене своей Варваре; и детям-младенцам, которые всему-то, всему меня научили именно в «религии», именно в «культуре», – Татьяне, Вере, Варваре, Василию…» [5, с. 21]. Велик Розанов именно таким пониманием своих учителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Духовная жизнь семьи. Материалы социологических исследований. На правах рукописи.

2. *Зеньковский В.* Проблема воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1993.

3. *Лосский Н. О.* История русской философии. – М.: Высшая школа, 1991.

4. *Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства // В. В. Розанов. Соч. в 2-х т. – М.: Правда, 1991. Т. 2.

5. *Розанов В. В.* Религия и культура // В. В. Розанов. Соч. в 2-х т. – М.: Правда, 1991. Т. 1.

6. *Розанов В. В.* Уединенное. – М.: Современник, 1991.

7. *Сербиненко В. В.* Русская философия. Курс лекций. – М.: Омега-Л, 2005.

Авторы статьи:

Вознесенская
Александра Ивановна
- ст преп каф госуд и муниципального управления КузГТУ
Тел. 384-2-39-69-10

Суркова
Татьяна Олеговна
- студ. МТ07 КузГТУ.
Тел. 8-950-573-46-44